

Монархія Карла Великаго и процессъ ея распаденія.

Карль Великій: значеніе его личности и характеристика ея. — Войны Карла Великаго и ихъ культурно-политическая цѣль. — Возстановленіе западной римской имперіи и историческій смыслъ этого событія. — Административныя реформы Карла — Заботы его объ умственномъ просвѣщеніи. — Общій итогъ историческаго развитія западной Европы при Карлѣ Великомъ. — Причины паденія Карловой монархіи: а) противоположность элементовъ, входившихъ въ составъ ея; б) разнородность населенія и в) слабость преемниковъ. — Исторія окончательнаго раздѣла имперіи.

На протяженіи всей западно-европейской исторіи трудно указать другую личность, которая вызывала бы своею дѣятельностью столь согласные, восторженныя отзывы, которая въ такой же степени служила бы предметомъ благоговѣйнаго почтенія и обсужденія, какъ это случилось въ отношеніи къ Карлу Великому. Отъ восьмого вѣка по настоящее время люди всѣхъ положеній и всякаго званія, которые имѣли поводъ и случай ознакомиться съ великимъ франкскимъ королемъ, съ безпримѣрнымъ единодушіемъ преклонялись предъ нимъ и признавали за нимъ беспорное право на имя „великаго“. Еще одинъ изъ современныхъ Карлу хроникеровъ, записывая годъ и день его кончины, добавлялъ къ своему извѣстію такія слова: „невозможно сказать, какъ велика была печаль о немъ по всей землѣ: даже язычники сожалѣли о немъ, какъ о всеобщемъ отцѣ“. Съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлано это замѣчаніе, прошло почти 11 вѣковъ, написано очень солидное число монографій о личности и дѣятельности Карла, но то чувство, какое слышится въ словахъ хроникера, продолжаетъ оставаться господствующимъ въ одинаковой мѣрѣ, не смотря на различіе эпохъ и историковъ. „Много великихъ государей, — говорить о Карлѣ одинъ

изъ извѣстнѣйшихъ изслѣдователей исторіи германскихъ императоровъ,—много великихъ государей было въ теченіи тысячи лѣтъ, которыми отдѣлено то время отъ нашего, но никто изъ нихъ не имѣлъ стремленій болѣе высокихъ, чѣмъ онъ; самые отважные завоеватели, самые мудрые изъ миролюбивыхъ правителей довольствовались стремиться къ тому, къ чему стремился уже онъ. И быть можетъ, никогда не существовало человѣка, чья дѣятельность была бы такъ плодотворна, какъ дѣятельность этого государя“. Другой современный намъ историкъ, подводя итоги заслугамъ Карла, выражается о немъ такимъ образомъ: „величественный образъ Карла,—пишетъ онъ,—сіяетъ въ хаотическомъ мракѣ этого переходнаго времени; исторія справедливо назвала его великимъ; гениальный правитель, онъ совершилъ безсмертныя дѣла и создалъ благотворныя учрежденія въ государствѣ, владыкой котораго поставила его судьба на благо европейскимъ народамъ. Его называютъ Моисеемъ среднихъ вѣковъ: онъ вывелъ человѣчество изъ пустыни варварства и далъ ему новые законы“.—Дѣятель отдаленной эпохи, Карлъ еще и доселѣ живетъ, окруженный какимъ-то мистическимъ облакомъ, не только въ историческихъ сочиненіяхъ и критическихъ изслѣдованіяхъ, но и въ памяти различныхъ народовъ, возвышаясь надъ всѣми мѣстными, національными воспоминаніями, которыя, казалось бы, ближе должны быть къ сердцу народовъ. Извѣстно, что славянскія племена самое понятіе о власти неразрывно сочетали съ воспоминаніемъ о Карлѣ, такъ какъ наше слово „король“ ведетъ свое начало отъ обаянія имени великаго франка; французы въ своемъ „Charlemagne“ и до сихъ поръ не отдѣляютъ отъ его имени титулъ Великаго; нѣмецкія, романскія и арабскія сказанія одинаково дружно говорятъ о Карлѣ въ возвышенномъ, приподнятомъ тонѣ. Что же касается до средневѣковой жизни, то нѣтъ въ ней такой области, въ которой бы личность Карла не вызвала горячей восторженности и искренней привязанности. Французское рыцарство прославляло и восхищалось имъ, какъ первымъ рыцаремъ; поэты нѣмецкихъ городовъ воспѣвали его, какъ заботливаго о своемъ народѣ отца, какъ справедливаго судью, а католическая церковь причислила его къ лику святыхъ.

Гдѣ же лежитъ причина этого всеобщаго преклоненія

предъ личностью Карла?—въ великой-ли монархіи, созданной имъ въ теченіи своей сорокалѣтней дѣятельности? Правда, что громадная имперія Карла, обнимавшая всѣ христіанскія страны западной Европы, была самой видной, самой блестящей стороной его царствованія, но эта имперія, это единство, которое онъ хотѣлъ навѣчно дать западному міру, не имѣло въ себѣ прочныхъ задатковъ и исчезло вмѣстѣ съ нимъ, породивъ явленія, прямо противоположныя его личнымъ замысламъ. Въ учрежденіяхъ-ли, связанныхъ съ его именемъ?—но и эти учрежденія измѣнились вмѣстѣ съ имперіей, и измѣнились не къ лучшему, а къ худшему, ставши основаніемъ феодальнаго устройства, надолго задержавшаго общественное и политическое развитіе запада. Въ основныхъ-ли задачахъ, руководившихъ его многолѣтними заботами? Но и эти задачи, даже для вѣка Карла, не составляли чего-либо новаго, самобытнаго, лично Карлу принадлежащаго; онѣ ясно были поставлены его предшественниками, завѣщаны ему основателями его династіи, такъ что въ данномъ отношеніи вся заслуга Карла состоитъ только въ томъ, что онъ счумѣлъ блестяще завершить начатое ранѣе его.

Чтобы уяснить себѣ источникъ преимущественнаго величія Карла, нужно обращаться не къ той или другой сторонѣ его царствованія въ отдѣльности и вообще не къ тѣмъ вѣдшимъ результатамъ, какіе явились слѣдствіемъ его дѣятельности; эти результаты, напротивъ, болѣе ничтожны въ сравненіи съ той славой, какую стяжалъ Карлъ въ преданіяхъ народовъ, и часто приводились въ доказательство безсилія великихъ людей—создать что-либо прочное, тщетности ихъ замысловъ и бесполезности ихъ для того міра, который они избороздили по всѣмъ направленіямъ. Тайну обаянія Карла Великаго и причину его вліянія на умы послѣдующихъ поколѣній нужно искать въ его собственной личности,—въ томъ *идеальномъ* характерѣ, какой вносила эта личность въ каждое свое предпріятіе, и въ особенностяхъ его историческаго положенія. Въ лицѣ Карла исторія даетъ намъ любопытный примѣръ монарха-миссіонера, который не столько хотѣлъ царствовать, сколько назидать и просвѣщать. Принадлежа къ дѣятелямъ варварской, переходной эпохи, когда повсюду царствовали порокъ и невѣже-

ство,—управляя разнородною этнографическою массою, въ которой отсутствовали всякіе общіе интересы, Карль поставилъ своею цѣлю содѣйствіе нравственному и гражданскому воспитанію своихъ подданныхъ, стремился расширить ихъ культурный кругозоръ и направить ихъ къ достиженію высшихъ, гуманнѣйшихъ задачъ. Онъ былъ въ одно и то же время и проповѣдникомъ, и публицистомъ; ту роль, какая въ настоящее время принадлежитъ литературѣ и философіи, Карль взялъ на себя и старался ее выполнить путемъ реформъ и законодательства. Его настольной книгой, съ которою онъ рѣдко разставался, было сочиненіе блаж. Августина „de civitate Dei“; изъ этого сочиненія онъ почерпнулъ *грандіознѣйшую идею*,—идею христіанской монархіи, въ которой каждый подданный долженъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и истиннымъ христіаниномъ, и свои силы посвятилъ осуществленію этой идеи. Служеніе Богу, жизнь по Его заповѣдямъ онъ поставилъ политической обязанностью хорошихъ гражданъ и нравственный законъ сдѣлалъ требованіемъ политическаго свойства. Вотъ что говоритъ напр. составленная Карломъ для своихъ подданныхъ присяга 802-го года: „каждый долженъ всѣмъ сердцемъ служить Богу, согласно Его повелѣніямъ и по своему общанію, по мѣрѣ силъ и ума, такъ какъ государь не можетъ заботиться о всѣхъ подданныхъ и наставлять каждого“. И при разсмотрѣніи законодательной дѣятельности Карла мы увидимъ, что она носитъ на себѣ совершенно-своеобразный характеръ, характеръ поучительный, гомилетическій. Величіе Карла, поэтому, есть величіе не завоевателя, а проповѣдника-цивилизатора. Его называютъ великимъ за то, что онъ глубоко и вѣрно понималъ потребности своего времени, что онъ сумѣлъ удержаться на высотѣ благородныхъ цѣлей и въ своихъ дѣйствіяхъ руководился ихъ идеальнымъ содержаніемъ. Его грандіозные замыслы умерли вмѣстѣ съ нимъ, и его монархія распалась на маленькіе куски, но за-то при немъ общество западно-европейское пережило *высокій культурный подъемъ*, воспоминаніе о которомъ въ немъ никогда не могло изгладиться. Карль внесъ въ западно-европейское общество идеальное содержаніе, и это содержаніе продолжало въ немъ жить и послѣ того какъ всѣ другіе труды Карла окончательно погибли. Когда, спустя какихъ-нибудь 150 лѣтъ,

монархіи Карла Великаго не стало,—не стало даже его прямыхъ потомковъ,—когда настали суровыя, тяжелыя времена феодализма, и все живое принуждено было заковываться съ ногъ до головы въ желѣзо или укрываться за недоступными стѣнами замковъ, люди стали чаще и чаще обращаться своими симпатіями къ вѣку и личности Карла Великаго и въ возрожденіи его погибшей монархіи видѣть залогъ общественнаго и политическаго преуспѣянія. И чѣмъ мельче съ теченіемъ времени становились люди и интересы въ средневѣковой Европѣ, тѣмъ выше выросталъ образъ перваго ея императора, тѣмъ охотнѣе онъ надѣлялся различными идеальными качествами и изъ исторической личности постепенно обращался въ полумифическаго героя народныхъ легендъ и преданій. Своею плодотворною дѣятельностію онъ далъ западу *политическіе и общественные идеалы*, и при помощи этихъ идеаловъ онъ сильнѣе и прочнѣе господствовалъ надъ душами послѣдующихъ поколѣній, чѣмъ надъ жизнію и тѣломъ своихъ прямыхъ подданныхъ.—Историческое положеніе Карла иногда сравниваютъ съ положеніемъ другого, болѣе близкаго къ намъ государя; его сравниваютъ съ Петромъ Великимъ. Дѣйствительно, между тѣмъ и другимъ есть много общихъ чертъ; оба они были великими культурными реформаторами, оба они обладали несокрушимой энергіей и положили много трудовъ на то, чтобы двинуть подчиненное имъ общество впередъ, на болѣе широкую дорогу. Но при этомъ сходствѣ между обоими остается одно, существенно-важное различіе. Въ то время какъ вниманіе Петра направлено было преимущественно на матеріальную культуру, на усиленіе промышленныхъ, финансовыхъ и военныхъ силъ государства, Карлъ Великій заботился болѣе о культурѣ духовной, идеальной: онъ хотѣлъ не обогащать общество, а воспитывать его, внѣдрить въ него болѣе гуманныя и широкія потребности, воздѣйствовать не на внѣшнюю, а на внутреннюю его сторону.

О молодости Карла почти ничего прочнаго неизвѣстно въ исторіи; ученые до сихъ поръ не могли точно опредѣлить, гдѣ именно родился онъ. Легенда и поэзія имѣли здѣсь полный просторъ пополнять своими вымыслами пробѣлы историческихъ извѣстій. Баснословное преданіе называетъ Карла сыномъ тайной любви, рассказывая, что онъ родился

подъ счастливымъ созвѣздіемъ на мельницѣ въ Стефановскомъ имѣніи близъ Фрейзинга, воспитывался у мельника поды именемъ его сына, росъ въ обществѣ буйныхъ товарищей безъ всякаго образованія и присмотра, проводилъ время въ томъ, что дрался, охотился, скакалъ верхомъ. Впрочемъ, это преданіе не лишено и нѣкотораго историческаго значенія; Карлъ, дѣйствительно, былъ плодомъ связи его отца Пипина Короткаго съ Бертрадой или Бертой, дочерью Хариберта, графа Лионскаго,—плодомъ, явившимся на свѣтъ ранѣе, чѣмъ Пипинъ и Берта вступили между собой въ законный бракъ. Точно также и его воспитаніе не многимъ должно было отличаться отъ того, какое нарисовано преданіемъ. Оно состояло въ военныхъ, гимнастическихъ упражненіяхъ, въ верховой ѣздѣ, охотѣ и плаваніи; по словамъ современнаго Карлу біографа въ этомъ послѣднемъ искусствѣ Карлъ достигъ такого совершенства, что, по справедливости, никто не могъ превзойти его. Несомнѣнно, что съ дѣтства же Карлъ получилъ и хорошее религіозное воспитаніе; при дворѣ его отца было не мало духовныхъ, съ которыми Пипинъ стоялъ въ дружественныхъ, близкихъ связяхъ, да и самъ Пипинъ отличался замѣчательной привязанностью къ церкви. Религіозность осталась выдающейся характеристической чертой и его сына, Карла Великаго.—Начинаясь съ колыбели, легенда сопровождаетъ Карла во всей послѣдующей его исторіи, обвиваетъ своими вымыслами его домашнюю и общественную жизнь, искажаетъ даже внѣшній видъ Карла, представляя его человѣкомъ необычайно высокаго роста и необычайныхъ физическихъ силъ. По счастью мы имѣемъ здѣсь историческій портретъ Карла, написанный лицомъ, хорошо его знавшимъ, его непремѣннымъ спутникомъ и сотрудникомъ Эгингартомъ, оставившимъ намъ первую жизнь Карла Великаго. Прекрасно образованный по тому времени, даже ученый, отлично освоившійся съ римскою классическою литературой и съ твореніями греческихъ отцовъ церкви, Эгингардъ занималъ мѣсто министра публичныхъ работъ при Карлѣ и былъ въ то-же время его личнымъ секретаремъ, исполнявшимъ порученія интимнаго, семейнаго свойства. Въ скоромъ же времени послѣ смерти Карла онъ принялся за его жизнеописаніе и окончилъ свой трудъ не позже 821-го года; въ своей біо-

графіи Карла онъ старался подражать Светонію, не прочь былъ воспользоваться готовыми выраженіями этого римскаго историка и характеризовать своего героя фразами, взятыми на прокатъ изъ Светонія, но въ общемъ его трудъ отличается крупными достоинствами добросовѣстности и искренности, которыя блещутъ въ каждомъ его извѣстіи. Эгингартъ глубоко преклонялся предъ Карломъ и нарисованный имъ портретъ его носитъ на себѣ отпечатокъ того обаянія, какое производила на него личность великаго государя. „Карлъ былъ широкаго и сильнаго сложенія,—пишетъ онъ,—высокъ ростомъ, но нечрезмѣрно (равнялся семи футамъ); голова закруглялась кверху, носъ нѣсколько болѣе умѣреннаго, красивая сѣдина, лицо веселое и улыбающееся, хотя шея его была толста и велика, и животъ выступалъ впередъ, но пропорціональность остальныхъ частей скрывала эти недостатки. Одежду онъ носилъ національную франкскую, и только однажды въ Римѣ по просьбѣ папы Адріана онъ позволилъ себѣ одѣть римскую тунику и хламиду и обуться по-римски. Вообще, умѣренный въ пищѣ и питьѣ, Карлъ былъ умѣреннѣе еще въ отношеніи напитковъ, потому что ненавидѣлъ пьянство. Но въ пищѣ не могъ быть одинаково воздержнымъ, и часто жаловался на то, что постъ вредитъ его здоровью. Обыкновенный обѣдъ его состоялъ изъ четырехъ блюдъ, кромѣ жаренаго, но пирогъ подавали ему прямо на вертелѣ“. Вотъ въ краткихъ чертахъ портретъ Карла Великаго, нарисованный Эгингардомъ. Этотъ портретъ замѣчательнъ и заслуживаетъ того, чтобы внимательно всмотрѣться въ него, такъ какъ онъ отражаетъ на себѣ новый историческій міръ, образовавшійся въ Европѣ въ VII и въ VIII вѣкахъ. Въ характеристикѣ Эгингарда мы имѣемъ предъ собою свѣжую физическую и умственную силу, выступившую въ лицѣ варварскихъ народовъ на историческую сцену и руководящуюся болѣе природными, естественными инстинктами, чѣмъ опредѣленными принципами или унаслѣдованными отъ старины преданіями. Первобытный характеръ этой силы, ея дикость и необузданность уже значительно смягчились, но совершенно не исчезли. Конечно, Карлъ можетъ служить лишь представителемъ высшаго общественнаго класса своего времени, типомъ небольшого аристократическаго кружка франкской народности, да и изъ этого кружка

выдѣляли Карла его исключительное положеніе и природные таланты, ставившіе его на цѣлую голову выше его современниковъ. Однако, и у него, этого лучшаго человѣка своего времени, на котораго Егингардъ смотритъ, какъ на образецъ величія и благовоспитанности, были свои слабости, дающія право видѣть въ немъ чистокровнаго сына своего племени, не желавшаго или не имѣвшаго силъ освободиться отъ нѣкоторыхъ варварскихъ привычекъ. Какъ и большая часть людей, обладающихъ цвѣтущимъ здоровьемъ и огромной физической силой, Карлъ отличался добродушіемъ и снисходительностью, и Егингардъ нѣсколько разъ съ особымъ удареніемъ указываетъ на эту черту Карлова характера. Но такъ было только при обычномъ теченіи жизни въ кругу послушныхъ придворныхъ и подданныхъ. Когда же Карлъ встрѣчалъ упорное сопротивленіе себѣ, онъ терялъ всякую мѣру самообладанія, въ немъ просыпался варваръ, и тогда онъ способенъ былъ на самыя дикія звѣрскія распоряженія. Достаточно напр. отмѣтить слѣдующій фактъ, что по приказанію Карла въ одинъ день было казнено 4,500 саксовъ, задумавшихъ возстаніе противъ его власти. Другимъ темнымъ пятномъ его характера, въ которомъ также сказывалось его варварское происхожденіе, была его семейная жизнь. Егингардъ называетъ по имени 4 женъ Карла, а что касается до наложницъ, то онъ отказывается припомнить даже имена тѣхъ, отъ которыхъ Карлъ имѣлъ потомство. По какому-то странному капризу онъ не хотѣлъ выдавать замужъ ни одной изъ своихъ красивыхъ дочерей, заявляя, что онъ не можетъ безъ нихъ жить. „И вслѣдствіе этого,— намекаетъ Егингардъ,—будучи счастливымъ во всемъ, Карлъ съ этой стороны испыталъ злобу превратной судьбы: онъ умѣлъ дѣлать видъ, какъ будто не существовало никакого слуха или подозрѣнія на счетъ которой-нибудь изъ его дочерей“. Намекъ, высказанный здѣсь Егингартомъ, впоследствии породилъ много легендъ, въ которыхъ нашъ авторъ самъ играетъ невыгодную роль вмѣстѣ съ дочерью Карла Эммой.

Есть извѣстіе, что Карлъ родился 2-го Апрѣля 742 года. Если такъ, то ему было 28 лѣтъ, когда подъ его властью соединились всѣ франкскія государства, и онъ правилъ ими въ продолженіи 44 лѣтъ. Его государственная дѣятельность

распадается на три существенно различныя стороны и потому можетъ быть разсматриваема съ трехъ точекъ зрѣнія: 1) какъ дѣятельность полководца и завоевателя; 2) какъ дѣятельность администратора и законодателя и въ 3) какъ дѣятельность покровителя искусствъ и наукъ и вообще интеллектуальнаго развитія. Продолжительное правленіе Карла Великаго особенно было богато войнами; рѣдкій годъ проходилъ безъ того, чтобы онъ самъ не водилъ войскъ или не отправлялъ ихъ подъ начальствомъ своихъ сыновей, на нѣкоторые же годы приходилось сразу по нѣсколько войнъ. Съ 769 года по 814 г. Карлъ имѣлъ 54 похода, въ которыхъ онъ выступалъ противъ аквитанцевъ, саксовъ, лангобардовъ, испанскихъ арабовъ, туринговъ, бриттовъ, аварь, славянь, датчанъ, баваровъ и грековъ. Уже при первомъ взглядѣ на военныя экспедиціи Карла можно подмѣтить, что онъ носятъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ войны королей меровингскаго дома. То въ сущности были раздоры между отдѣльными германскими племенами, походы съ цѣлю водвориться гдѣ-нибудь или награть добычи. Военныя же предпріятія Карла прежде всего отличаются систематичностью. Они внушены были государственною необходимостью, вызваны были политическими соображеніями. Война велась Карломъ исключительно для того, чтобы соединить разныя племена Галліи и Германіи въ одно политическое цѣлое, дать государству прочныя границы и защитить остатки прежней унаслѣдованной отъ Рима культуры отъ варварскаго истребленія. Поэтому, войны Карла были болѣе оборонительныя, чѣмъ наступательныя, преслѣдовали культурныя цѣли и имѣли важное историческое значеніе. Въ особенности знаменита его продолжительная борьба съ саксами, занявшая съ небольшими перерывами 32 года его дѣятельной жизни. Саксы, оставшіеся до временъ Карла язычниками и упорно чуждавшіеся всякаго воздѣйствія со стороны римской культуры, были старинными, исконными врагами франковъ. Меровинги и майордомы меровинговъ вели съ ними цѣлый рядъ войнъ. Отецъ Карла, Пипинъ принудилъ нѣкоторыя изъ западныхъ саксонскихъ областей платить ему дань, но масса саксонцевъ сохраняла свою прежнюю независимость и грабила пограничныя франскія земли. Карлъ поставилъ своимъ твердымъ намѣреніемъ по-

ложить конецъ этимъ набѣгамъ саксовъ, принудить ихъ къ покорности франкамъ и ввести у нихъ христіанство вмѣстѣ съ улучшенными формами быта. Поэтому съ самаго же начала борьба Карла съ саксами приняла *національный и релігіозный* характеръ. Саксы защищали въ ней свою первобытную свободу и своихъ старыхъ боговъ; франки стремились сломить силу саксовъ, какъ послѣдній оплотъ язычества и варварства, навязать имъ свои учрежденія и свою религію. Съ обѣихъ сторонъ война велась съ ожесточеніемъ, и не мало въ теченіе ея совершено было дикихъ, варварскихъ поступковъ, часть которыхъ темнымъ пятномъ ложится на свѣтлой личности Карла. Побѣда осталась на сторонѣ франковъ и христіанства; она присоединила саксовъ къ семьѣ прочихъ германскихъ племенъ, принявшихъ уже христіанство, и повела ихъ къ болѣе высшимъ формамъ быта, давши имъ возможность дальнѣйшаго культурнаго развитія. Побѣду франковъ надъ саксами историки единогласно признаютъ побѣдой цивилизаціи надъ варварствомъ.

Слѣдствіемъ многочисленныхъ походовъ Карла явилась обширная монархія, заключающая въ своихъ предѣлахъ всю среднюю Европу съ верхней Италіей. То, къ чему со времени Хлодвига какъ бы инстинктивно стремились франки, въ эпоху Карла было создано и осуществилось на дѣлѣ. Всѣ германскія племена, разрушившія римскую имперію, теперь соединились въ одинъ политическій организмъ, составили одно государство. Границы этого государства совпадали съ границами западнаго христіанства вообще, и его король, Карль, оказался не только однимъ германскимъ королемъ, но и однимъ христіанскимъ правителемъ единой государственной семьи всего христіанскаго запада. Но Карль не ограничился созданіемъ одной монархіи, заключающей въ себѣ всѣ германскія племена; его планы были шире и шли гораздо дальше. Достигши такой власти надъ германцами, какой не достигалъ еще ни одинъ изъ варварскихъ государей, Карль задумалъ возстановить тамъ порядокъ вещей, который нѣкогда, три вѣка тому назадъ, существовалъ на западѣ. Онъ задумалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ возстановленіе западной римской имперіи,—той имперіи, которая разрушена была варварскими завоеваніями. Въ 800 году, будучи въ Римѣ, онъ дѣйствительно и принялъ изъ рукъ

папы титулъ римскаго императора и его монархія получила имя римской имперіи. Спрашивается, въ чемъ же заключался смыслъ этого событія? Какимъ образомъ Карль могъ оказаться римскимъ императоромъ, а его монархія римской Имперіей, если къ концу V-го вѣка эта Имперія прекратила свое существованіе?

Разсматриваемый съ внѣшней точки зрѣнія, историческій фактъ, извѣстный подъ именемъ возстановленія западной римской имперіи, является простымъ выводомъ изъ отношеній, какія съ давнихъ поръ установились между папами и майордомами карловингскаго дома. Папы стояли въ дружеской связи съ послѣдними и симпатизировали всѣмъ начинаніямъ ихъ. Съ другой стороны и майордомы дорожили своими связями съ Римомъ, такъ какъ папа уже въ то время былъ великой силой, вліявшей глубоко на складъ историческихъ событій. Особое значеніе на Западъ придавало папѣ уже то обстоятельство, что здѣсь онъ одинъ только былъ преемникомъ апостоловъ. Начало его свѣтскому, правительственному вліянію положено было еще при римскихъ и византійскихъ императорахъ, надѣлившихъ папскій престолъ различными привиллегіями. Когда пала римская имперія, папы остались первыми и естественными представителями императорской власти. Вмѣстѣ съ византійскимъ намѣстникомъ, такъ называемымъ экзархомъ, папа являлся носителемъ имперіи въ борьбѣ съ варварами. Его авторитетъ усилился еще болѣе, когда императорскій намѣстникъ пересталъ жить въ Римѣ и перенесъ свою столицу въ Равенну. Папа остался высшимъ лицомъ въ Римѣ, смотрѣвшимъ на себя, какъ на распорядителя и государя этого города. Во второй половинѣ VI вѣка Италія была завоевана лангобардами, не имѣвшими основаній питать особое почтеніе къ римскому первосвященнику, и папы, чтобы удержать въ своихъ рукахъ зарождающуюся власть, принуждены были искать себѣ защитниковъ и покровителей. Ихъ они и приобрѣли себѣ въ лицѣ могущественныхъ майордомовъ. Уже Григорій III заискивалъ расположенія Мартелла, а Пипинъ, котораго папа призвалъ въ Италію для защиты отъ лангобардовъ, торжественнымъ актомъ передалъ преемнику Петра 22 города, отнятые имъ отъ лангобардовъ,—въ томъ числѣ Равенну,—первый городъ Италіи послѣ Рима. Этимъ знаме-

нитымъ актомъ полагалось прочное основаніе свѣтской власти римскихъ епископовъ, которые съ того времени становятся свѣтскими государями. Въ уплату за эту услугу папа Захарій короновалъ Пипина франкскимъ королемъ.

Карлъ Великій продолжалъ въ отношеніи къ папѣ политику своего дома, но продолжалъ болѣе блестящимъ образомъ. По просьбѣ Адріана I-го онъ въ 773-мъ году вторгся въ Италію и принудилъ лангобардовъ признать свою верховную власть, подтвердивши при этомъ прежнія права римскихъ епископовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились и отношенія франкскаго короля къ папѣ. Карлъ сдѣлался государемъ Лангобардіи и рѣшителемъ столкновеній папъ съ враждебнымъ имъ населеніемъ верхней Италіи. Когда преемникъ Адріана папа Левъ III былъ прогнанъ изъ Италіи противной Карлу партіей, этотъ послѣдній силою возстановилъ его, — и вотъ вслѣдъ затѣмъ произошло другое событіе, бывшее какъ бы любезнымъ отвѣтомъ со стороны папы. Въ 800 году въ праздникъ Рождества въ церкви св. Петра папа возложилъ римскую императорскую корону на голову Карла, при восторженныхъ крикахъ народа, — и король франковъ сталъ западнымъ римскимъ императоромъ, а его государство западной римской имперіей. — Дѣло, дѣйствительно, имѣло видъ неожиданности, случайности, какъ его и представляютъ современныя событія хроникеры. Карлъ будто-бы самъ говорилъ, что онъ не пошелъ бы и въ церковь, если бы зналъ, что готовилъ ему папа. Но даже изъ краткихъ, чрезвычайно отрывочныхъ извѣстій современныхъ хроникеровъ ясно, что провозглашеніе Карла императоромъ было обдуманно и рѣшено заранѣе и что объ этомъ дѣлѣ давно ведены были совѣщанія. Да и само событіе оказывалось настолько естественнымъ и необходимымъ, что было бы слишкомъ невѣроятно, если бы мысль о немъ не явилась давно у всѣхъ разсуждающихъ и практическихъ людей того времени. Въ рукахъ Карла соединились почти всѣ области западной римской имперіи, и самый Римъ, патриціемъ котораго онъ считался, принадлежалъ ему. Восточный императоръ потерялъ для западной Европы всякое значеніе, да въ то время его и не было, такъ какъ управление византійской имперіей находилось въ рукахъ женщины Ирины. Мысль объ имперіи никогда не умирала на западѣ, и никто не хотѣлъ призна-

вать, что ея не существовало. Германскіе короли, захватившіе области римской имперіи, считали себя только консулами и патриціями Рима; паденія имперіи они и не замѣтили; они продолжали думать, что имперія раздробилась только на части, и теперь, когда всѣ части ея соединились подъ властію одного лица, присвоеніе ему титула римскаго императора явилось неизбѣжнымъ концомъ всей исторіи переходнаго періода.

Само собой понятно, что все это событіе возстановленія имперіи было одной грандіозной иллюзіей; римская имперія окончательно исчезла съ лица земли, и монархія Карла не могла замѣнить ее. Назвавшись римскимъ императоромъ, Карль остался тѣмъ же, чѣмъ и былъ, т. е. франкскимъ варварскимъ королемъ; тѣмъ не менѣ эта иллюзія получила громадное значеніе для послѣдующей церковной и политической исторіи Запада. Съ мыслию о возстановленіи имперіи связывалась идея политическаго единства западно-христіанскаго міра, искавшая себѣ полнаго выраженія. „Западные христіане,—говоритъ одинъ историкъ,—считали римскую имперію вѣчнымъ царствомъ, а императора владыкою, поставленнымъ отъ Бога для всего міра. Они полагали, что императоръ имѣетъ своимъ призваніемъ охранять христіанство отъ всѣхъ его враговъ, поддерживать повсюду порядокъ и тишину, защищать церковь и ея служителей отъ нападенія мірскихъ людей, подкрѣплять своимъ оружіемъ проповѣдь христіанства, пролагать ему путь до края вселенной, чтобы Христосъ сталъ владыкою всѣхъ народовъ. По этой идеѣ о власти императора, всѣ другіе короли и государи западно-христіанскаго міра считались подвластными ему, всѣ западные христіане должны были видѣть въ повелѣніяхъ его повелѣнія Божіи, обязаны были бѣльшимъ повиновеніемъ ему, чѣмъ всякому другому повелителю, имѣющему только земную, а не божественную власть“. Сообразно съ этимъ понятіемъ Карль сталъ считать себя преемникомъ Константина и Θεодосія, поставленнымъ отъ Бога владыкою всѣхъ народовъ, призваннымъ употреблять свою власть на охраненіе порядка въ западныхъ земляхъ, на поддержаніе закона Божія и наказаніе нарушителей его. Онъ былъ глубоко проникнутъ той мыслью, что новый санъ возложилъ на него новыя обязанности. Онъ велѣлъ внимательно пере-

смотрѣть церковныя и свѣтскія распоряженія и выбросить изъ нихъ все, противорѣчившее заповѣдямъ Господнимъ. Онъ отправилъ во всѣ области пословъ слѣдить за исполненіемъ этихъ требованій, вводитъ въ жизнь его подданныхъ христіанскія добродѣтели, строгое соблюденіе христіанскихъ заповѣдей. Онъ сталъ стремиться теперь къ идеальной цѣли, къ осуществленію царства Божія на землѣ и къ достиженію этого направилъ свою административную и законодательную дѣятельность.

Въ своихъ административныхъ реформахъ Карлъ руководился тѣмъ понятіемъ о государственной власти, съ которой его знакомила традиція, шедшая изъ временъ Константина Великаго и Θεодосія. По этому понятію императоръ долженъ былъ стоять въ центрѣ церковнаго управленія, отъ котораго подобно радіусамъ исходятъ всѣ прочія государственныя власти и къ которому они возвращаются, чтобы дать отчетъ въ своей дѣятельности. Его собственная власть безгранична и происходитъ отъ божественнаго установленія. „Народомъ нужно управлять по установленію Божию,—пишетъ Алкуинъ, ближайшій совѣтникъ Карла,—но не должно слѣдовать народу; не должно слушать тѣхъ, кто утверждаетъ, что гласъ народа есть гласъ Божій, потому что безпорядочный народъ всегда склоняется къ рѣшеніямъ безумнымъ“. Какъ носитель верховной власти, императоръ управлялъ войсками, созывалъ народныя собранія, издавалъ законы, рѣшалъ важнѣйшія судебныя дѣла; онъ одинъ имѣлъ право чеканить монету, назначалъ полководцевъ и графовъ и утверждалъ избранныхъ епископовъ.

Подобно римскимъ императорамъ, Карлъ окружилъ себя іерархіей властей церковныхъ и гражданскихъ. Во главѣ первыхъ стоялъ архикапелланъ, во главѣ вторыхъ дворцовый графъ (*comes palatii*). Отъ перваго зависѣлъ придворный клиръ; онъ вѣдалъ все, что касалось религіи, церковной обрядности, монастырей и пр.; онъ же дѣлалъ доклады императору о просьбахъ духовенства.—Главная обязанность дворцоваго графа заключалась въ веденіи дѣлъ, подлежащихъ личному рѣшенію императора, какъ то: толкованіе закона, подведеніе статей его по данному вопросу, аппеляцій къ императору и т. п. Подъ его властью находился *канцлеръ*, хранившій государственную печать и отправлявшій акты,

исходящіе отъ императора; *камергеръ*, который смотрѣлъ за царскими облаченіями, управлялъ придворными церемоніями, получалъ подарки, приносимые его подданными и послами отъ дворовъ, — *сенешаль*, исполнявшій должность какъ бы придворнаго зрителя и эконома, — и затѣмъ слѣдовала остальная масса различной дворцовой прислуги. — Для проведенія императорской власти въ низшія сферы государства Карлу служилъ рядъ посредствующихъ правительственныхъ инстанцій. Онъ раздѣлилъ государство на нѣсколько легатствъ и каждое изъ нихъ на графства. Управление графствомъ принадлежало графу; онъ былъ и военнымъ и гражданскимъ начальникомъ своей области. Онъ творилъ судъ и расправу, предсѣдательствовалъ на частныхъ собраніяхъ свободныхъ людей, предлагалъ имъ для рѣшенія вопросы, собиралъ мнѣнія и находилъ статьи закона. Въ случаѣ возникновенія на собраніи какого-либо труднаго вопроса, онъ обращался за рѣшеніемъ къ дворцовому графу или лично къ самому императору; къ послѣднему онъ направлялъ всѣ дѣла, имѣвшія важное государственное значеніе. Слѣдующую въ восходящемъ порядкѣ правительственную инстанцію составляли особые царскіе легаты, такъ называемые, *missi dominici* (или ревизоры). Уже послѣдніе римскіе императоры ввели обыкновеніе посылать въ отдаленныя части своего государства особыхъ агентовъ (*agentes in rebus*); то-же иногда практиковали и меровинги, но только Карлъ Великій придалъ прочное обоснованіе институту легатовъ, опредѣливъ ихъ права и упорядочивъ ихъ дѣйствіе. Главною обязанностью легатовъ было контролированіе дѣйствій провинціальныхъ должностныхъ лицъ. Съ этою цѣлію они четыре раза въ годъ посѣщали назначенныя имъ легатства и открывали тамъ свои дѣйствія тѣмъ, что созывали народное собраніе, на которое приглашались епископы, графы и прочія должностныя лица, и затѣмъ подвергали разсмотрѣнію ихъ поведеніе, выслушивали жалобы на нихъ и разсматривали ихъ управленіе. На этихъ же собраніяхъ объявлялись новые законы и предлагались разныя улучшенія, имѣвшія мѣстный характеръ. — Высшей же правительственной и вмѣстѣ съ тѣмъ законодательной инстанціей были общія народныя собранія; они собирались два раза въ годъ: одно осенью, на которомъ собственно под-

готовлялся матеріаль для другого болѣе торжественнаго собранія, которое и собиралось весною въ маѣ мѣсяцѣ. Впрочемъ, нельзя думать, что эти собранія въ строгомъ смыслѣ были общими, потому что въ такомъ случаѣ пришлось бы допустить, что толпы народа два раза въ годъ совершали трудные переходы чрезъ Альпы и Пиринеи, чтобы собраться на Рейнѣ или Маасѣ; естественнѣе допустить, что на нихъ являлись тѣ же должностныя лица и люди, имѣвшіе какое-либо дѣло до императора. Аббать Карди Адальгартъ, родственникъ Карла, написалъ трактатъ „de ordine palativi“ съ цѣлюю обрисовать механизмъ государственнаго управления Карла и въ частности общія народныя собранія. Этотъ трактатъ, къ сожалѣнію, затерянъ, и мы знаемъ его только въ отрывкахъ, воспроизведенныхъ Гинкмаромъ, архіепископомъ Реймскимъ, по просьбѣ лицъ, обращавшихся къ нему за совѣтомъ по дѣламъ управления. Здѣсь между прочимъ говорится: „было въ обыкновеніи тогда держать два собранія каждый годъ, и чтобы они не показались созданными безъ причины, предлагались на разсужденіе и разсмотрѣніе вельможъ, по распоряженію короля, статьи закона, которыя онъ самъ составлялъ по внушенію Божію“. Такимъ образомъ предложеніе закона или инициатива на этихъ собраніяхъ исходили отъ императора; собраніе же обсуждало ихъ, т. е. высказывало относительно ихъ соображенія, играло совѣщательную роль. Оно само по себѣ не было источникомъ законодательства, но служило лишь средствомъ государственнаго управления. Чрезъ него центральная власть извлекала свѣдѣнія о провинціальной жизни государства, знакомила народъ со своими планами и удобнѣе могла проводить свои распоряженія въ жизнь. Происходили эти собранія при личномъ участіи императора на открытомъ воздухѣ, если позволяла погода; въ противномъ случаѣ въ большихъ помѣщеніяхъ; въ правленіе Карла такихъ собраній исторія насчитываетъ до 31.

Изъ соглашенія императора съ представителями народа выходили законы, извѣстные подъ именемъ капитулярій; capitula—значить небольшая главка, статья,—терминъ, которымъ обозначаются не только распоряженія Карла Великаго, но и вообще законы франкскихъ королей. Отъ Карла осталось 50 или, по другому счету, 65 капитулярій. Они не

представляютъ изъ себя какой-нибудь стройной законодательной системы. Сюда входятъ и древніе германскіе законы, и извлеченія изъ соборныхъ дѣяній, вопросы, какіе Карлъ предлагалъ народному собранію и даже разныя замѣтки для памяти, составленныя Карломъ по различнымъ случаямъ. Большая часть постановленій относится къ церкви, къ ея устройству и управленію и имѣютъ цѣлю остановить постоянное паденіе ея. Эта группа постановленій, собственно, принадлежитъ къ исторіи западной церкви, и нѣкоторыя изъ нихъ въ особенности интересны, потому что составляютъ прямую противоположность тѣмъ правиламъ, какихъ держалась римская церковь въ позднѣйшую эпоху. „Пусть никто не думаетъ,—говорится въ одномъ капитуляріи,—что можно молиться Богу только на трехъ языкахъ (разумѣются еврейскій, греческій и латинскій). Богу поклоняются на всѣхъ языкахъ, и человѣкъ будетъ услышанъ, если онъ молится о справедливомъ“. „Проповѣдь,—замѣчаетъ капитулярій 813,—должна быть всегда понятна простому народу“. Но самой замѣчательной чертой карлова законодательства, сообщавшей ему единство, является господствующее въ немъ религиозное чувство. Такъ напр. въ одномъ капитуляріи Карлъ говоритъ: „необходимо, чтобы каждый старался поддерживать себя, смотря по уму и силамъ, въ святомъ служеніи Богу и на пути его заповѣдей“. Или другой примѣръ: „старательно избѣгайте коварства, незаконныхъ браковъ и лжесвидѣтельствъ, какъ мы часто увѣщевали васъ и какъ воспрещено закономъ Божиимъ“. Этимъ христіанскимъ духомъ проникнуто было все законодательство Карла Великаго, и какъ его предписанія ни кажутся намъ элементарными, не нужно забывать, что въ ту эпоху перехода отъ первоначальнаго варварства къ цивилизаціи оно должно было дѣйствовать воспитывающимъ образомъ на грубую среду, призывая ее къ нравственному улучшенію и порядкамъ.

Но нигдѣ столь симпатично не рисуется личность великаго императора, какъ въ его заботахъ о насажденіи умственнаго просвѣщенія, имѣвшаго громадное значеніе для Запада. Начиная съ эпохи переселенія, образованность на западѣ быстро стала падать, пока почти совсѣмъ не исчезла въ VII вѣкѣ и первой половинѣ VIII-го. Если сравнить состояніе образо-

важности тогдашняго времени съ состояніемъ ея въ V и VI вв., то можно подумать, что между этими временами прошелъ не одинъ вѣкъ. Въ V-мъ столѣтіи Галлія еще покрыта была многочисленными школами, привлекавшими огромное количество слушателей; къ началу же VI столѣтія мы здѣсь уже не находимъ ни одной свѣтской школы. Единственными учебными заведеніями, какія оставались тогда въ средней Европѣ, являлись епископскія школы, основанныя при соборныхъ церквахъ, и монастырскія, гдѣ образованность приняла исключительно церковный характеръ. Франкскіе короли, достигши значительной власти, любили окружать себя образованными галлоримлянами и даже не прочь были похвастаться своими знаніями, но какого рода были эти познанія, о томъ лучше всего даетъ понятъ примѣръ Хильперика, одного изъ ревнителей тогдашняго времени. Онъ изобрѣлъ четыре новыя буквы, которыя приказалъ употреблять въ своемъ государствѣ, и намѣревался даже истребить всѣ книги, гдѣ не было этихъ буквъ. Даже лучший духовный писатель эпохи Меровинговъ, Григорій Турскій (539—595), составившій церковную исторію франковъ, открыто сознается въ своемъ невѣжествѣ. Онъ допускаетъ, что ему могутъ возразить: „ты ничего не понимаешь въ словесности, ты смѣшиваешь роды мужской, женскій и средній, ты не ставишь на своемъ мѣстѣ предлоги и соединяешь съ ними винительные падежи вмѣсто творительныхъ, ты думаешь, что тяжелый быкъ можетъ танцовать на палестрѣ“... Что Григорій говоритъ о себѣ такъ не изъ скромности, это лучше всего доказывается его собственными сочиненіями. Изъ всѣхъ многочисленныхъ родовъ письменности ко времени Карла остались только житія святыхъ, написанныя безъ всякаго искусства и самымъ варварскимъ языкомъ. Карлъ остановилъ это паденіе, и съ его времени начинается исторія западнаго образованія. Онъ положилъ ему основаніе собираніемъ рукописей, которыя онъ доставалъ отовсюду изъ Рима и даже изъ Ирландіи. Послѣ третьяго своего похода въ Италію въ 787 году онъ вывезъ оттуда учителей грамматики и счисленія и дѣятельно принялся за устройство школъ. Въ высшей степени интересно его письмо къ игумену одного монастыря, гдѣ Карлъ излагаетъ слѣдующее: „многіе монастыри въ послѣдніе годы присы-

лали намъ письма, которыми извѣщали насъ, что братія молится за насъ во время священной службы; мы замѣтили, что въ большей части этихъ писемъ чувства были хороши, но слова грубо не обработаны, и если благочестіе хорошо одушевляло ихъ, то неисканный языкъ, которымъ вовсе не занимались, не могъ хорошо выразить его. Мы стали бояться, что какъ мало здѣсь искусства писать, также мало здѣсь и пониманія св. Писанія“. Капитулярій 789 года уже прямо предписываетъ заводить двоякаго рода школы—первоначальныя для обученія грамотѣ и письму и сравнительно высшія, гдѣ обучались ариѳметикѣ, грамматикѣ и потному пѣнію.—Забываясь объ устройствѣ школъ, Карлъ отовсюду собиралъ къ себѣ ученѣйшихъ людей того времени: онъ призвалъ къ себѣ Алкуина изъ Англіи, Агобарта изъ Испаніи, Геодульфа изъ Италіи. Онъ самъ находилъ время, среди своихъ многоразличныхъ работъ, для ученыхъ занятій. Егингартъ рассказываетъ, что Карлъ всегда клалъ на ночь подъ подушку таблички и бумагу, чтобы во время безсонницы набить свою руку въ письмѣ, добавляя, что это плохо удавалось Карлу, потому что онъ слишкомъ поздно началъ учиться письму. Изъ этихъ словъ и заключили, что Карлъ вовсе не умѣлъ писать: вѣроятно же думать, что онъ только не могъ достигать красоты и ровности почерка. Усердно старался Карлъ изучить и нѣмецкій языкъ и дошелъ въ немъ до такихъ познаній, что самъ составилъ первую нѣмецкую грамматику. Мало того, онъ основалъ при своемъ дворѣ родъ академіи, члены которой носили особыя имена и въ которой участвовалъ самъ Карлъ подъ именемъ Давида, и устроилъ придворную школу, гдѣ учителемъ былъ Алкуинъ, а учениками самъ Карлъ, его сыновья и дочери. Отъ этого преподаванія Алкуина въ дворцовой школѣ сохранился образчикъ, представляющій собой разговоръ между Алкуиномъ и Пипиномъ, вторымъ сыномъ Карла. Я приведу нѣсколько вопросовъ Пипина и отвѣтовъ Алкуина.

В. Что такое языкъ? О. Бичъ воздуха.

В. Что такое человѣкъ? О. Рабъ смерти.

В. Какъ поставленъ человѣкъ? О. Какъ фонарь на вѣтрѣ.

В. Гдѣ поставленъ человѣкъ? О. Между шестью стѣнами.

В. Какія это стѣны? О. Низъ, верхъ, передъ, задъ, правая сторона и лѣвая.

В. Что такое зима? О. Изгнаніе лѣта.

В. Что такое весна? О. Живописецъ земли.

В. Что дѣлаетъ горькое сладкимъ? О. Голодь.

В. Что никогда не надоедаетъ людямъ? О. Нажива и т. д.

Не смотря на ихъ пустоту и изысканную фігуральность, эти разговоры Алкуина для того времени служили признакомъ начавшагося умственного развитія.

Въ заключеніе замѣтимъ, что сохранилось много фактовъ, свидѣтельствующихъ о величій замысловъ Карла. Сюда относятся многія постройки его, между прочимъ въ Ахенѣ, для украшенія котораго онъ перевезъ дорогія античныя колонны изъ Равенны и Рима, грандіозный планъ соединенія Сѣвернаго моря съ Чернымъ посредствомъ канала между Рейномъ и Дунаемъ—работа, къ которой Карлъ уже приступилъ, но которая слишкомъ громадна была для средствъ того времени; забота о покровительствѣ торговли, устройствѣ путей сообщенія и т. д., короче, нѣтъ такой области, куда бы не проникалъ заботливый глазъ Карла и гдѣ бы онъ не оставилъ такихъ или иныхъ слѣдовъ своей дѣятельности. Карлъ умеръ 28 января 814 года въ Ахенѣ на 72 г. своей жизни.

Начиная съ тѣхъ поръ, какъ Хлодвигъ, первый франкскій король—христіанинъ, выступилъ изъ сѣверо-восточнаго угла Галліи на завоеваніе и юго-восточной части ея, римское государственное устройство продолжало оставаться для франкскихъ королей идеаломъ, который они пытались осуществить среди варварскихъ племенъ на протяженіи трехъ столѣтій. Въ монархіи Карла Великаго этотъ идеалъ государственнаго строя, повидимому, слился съ дѣйствительностью. Благодаря войнамъ меровинговъ и первыхъ майордомовъ королевскаго рода, къ IX вѣку, въ срединѣ Европы возникло обширнѣйшее государство, границы котораго были еще далѣе расширены и укрѣплены завоевательными предпріятіями Карла. Послѣ покоренія саксовъ, на востокъ Европы уже не оставалось ни одного германскаго племени, которое бы не входило въ составъ владѣній этого великаго карловинга. Рѣка Эльба, служившая восточной границей Карловой монархіи, обозначала собою предѣлъ германскаго міра и вмѣстѣ съ тѣмъ предѣлъ западнаго христіанства, такъ какъ пространство за Эльбой въ то время было занято славянскими народами, остававшимися еще языческими. На За-

падѣ Карлу удалось подчинить себѣ только небольшой сѣверо-восточный уголокъ Испаніи, простиравшійся до рѣки Эбро, отдѣлявшей франкское государство отъ владѣнія арабовъ магометанъ, завоевавшихъ Испанію въ VIII вѣкѣ. Не только римская Галлія, но вся древняя Германія, которой римляне никогда не имѣли силы овладѣть, и верхняя часть Италіи съ городомъ Римомъ во главѣ къ IX вѣку входили въ составъ Карловой монархіи. Въ этихъ предѣлахъ заключены были какъ всѣ германскія племена, такъ и весь христіанскій міръ тогдашней западной Европы, и Карлъ оказался не только однимъ германскимъ королемъ, но и однимъ христіанскимъ правителемъ, единой государственной главой всего христіанскаго Запада. Какъ король германскихъ племенъ, Карлъ поставилъ своей задачей примѣнить къ нимъ идею римскаго единства, связать ихъ въ одно цѣлое и посредствомъ разнообразныхъ учрежденій, созданныхъ по римскимъ образцамъ, образовать изъ нихъ единую, стройную и сильную монархію. Какъ государственный глава всего западнаго государства, Карлъ принялъ изъ рукъ папы титулъ римскаго императора, сдѣлался помазанникомъ Божиимъ, сталъ считаться призваннымъ осуществить царство Божіе на землѣ и въ ученомъ придворномъ кружкѣ назывался Давидомъ, которому онъ хотѣлъ подражать въ своей правительственной дѣятельности. Казалось, то государственное единство, къ которому сначала инстинктивно, а потомъ сознательно стремились франкскіе правители, было теперь достигнуто. По своему внѣшнему виду монархія Карла Великаго представляла собой благоустроенное цѣлое; въ своемъ центрѣ имѣла она энергичную личность, своего перваго императора; въ ней дѣйствовала стройная система должностныхъ лицъ и учрежденій; подъ влияніемъ общаго подъема силъ начали развиваться науки и искусства. Мечты самого Карла шли еще гораздо дальше: онъ лелѣялъ мысль присоединить къ своимъ владѣніямъ и восточную половину римской имперіи т. е. Византію, и съ этой цѣлю, вскорѣ послѣ коронаціи въ Римѣ, задумалъ жениться на Иринѣ, управлявшей въ то время Византіей, чтобы стать главой не только западно-германскаго, но и всего христіанскаго міра и возстановить римскую имперію въ томъ объемѣ, какой она имѣла во время Константина и Θεодосія.

Дѣйствительность сурово обошлась съ романтическими мечтаніями великаго франка. Огромная монархія, подготовленная меровингскими майордомами и организаторскимъ геніемъ Карла, на самомъ дѣлѣ оказалась зданіемъ слишкомъ непрочнымъ, таившимъ въ себѣ элементы разрушенія. Пока живъ былъ самъ организаторъ этой монархіи, эти элементы примирались и сдерживались его энергіей; но прошло не болѣе трехъ лѣтъ послѣ его смерти, какъ они выступили наружу и раздѣлили его имперію на составныя части. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ глубже и всесторонне охватывалъ Европу этотъ процессъ разложенія, такъ что въ XI вѣкѣ вмѣсто централизованной на подобіе Рима имперіи Карла мы находимъ множество чрезвычайно мелкихъ, вполне самостоятельныхъ владѣній, не только не имѣющихъ одного общаго центра, но и не желавшихъ имѣть его. Спрашивается: почему же государство не могло удержаться на той высотѣ, которой на мгновеніе удалось ему достигнуть? почему новыя идеи, идеи общихъ интересовъ, растаяли въ воздухѣ вмѣсто того, чтобы сдѣлаться *instrumentum regni*?—Постараюсь сейчасъ отвѣтить на эти вопросы.

Прежде всего, монархія Карла Великаго, какъ бы блестящей не казалась она съ внѣшней стороны, на самомъ дѣлѣ была слишкомъ искусственнымъ соединеніемъ двухъ противоположныхъ началъ: римскихъ традицій и германства. Карлъ былъ проникнутъ идеей римской имперіи, а эта идея требовала такой политической организаціи, въ которой всѣ части исходили бы изъ одного начала и подчинялись бы ему, въ которой государство царило бы надъ отдѣльной личностью и поглощало бы ее, въ которой, какъ въ одномъ стройномъ механизмѣ, все приводилось бы въ движеніе одной волей и направлялось къ достиженію одной цѣли. Природѣ же германца было присуще стремленіе къ *особенности*, къ *отдѣльности* въ жизни: германецъ проникнутъ былъ идеей личной свободы и не понималъ другого права, кромѣ права быть хозяиномъ на своей территоріи; онъ не хотѣлъ знать никакихъ другихъ отношеній, которыя не вытекали бы изъ его личныхъ потребностей и не опредѣлялись поземельнымъ строемъ. Первымъ меровингамъ, положившимъ начало карловой монархіи, относительно легко было воспроизвести на галльской почвѣ государство въ смыслѣ римской имперіи и

подчинить ему франковъ, такъ какъ въ ихъ время королевская власть еще опиралась на большинство стараго римскаго населенія, свыкшагося съ римскими понятіями о государствѣ и основанными на немъ порядками. Ко времени Карла Великаго это положеніе дѣла радикально измѣняется. Съ одной стороны въ самую Галлію изъ-за Рейна переселяются новыя и новыя племена германцевъ, приносятъ сюда свои понятія и формы быта и постепенно германизируютъ коренное населеніе; съ другой стороны, франкское государство далеко расширяется на востокъ и включаетъ въ свой составъ чисто германскія племена, которымъ чужды были какія-то бы ни было римскія традиціи. Карль имѣлъ передъ собою уже общество германское, въ которомъ исчезла римская цивилизація и воспоминаніе о Римѣ уступило мѣсто стремленію охранить свойственныя природѣ германца разрозненныя и болѣе простыя формы быта. Если кое-гдѣ еще и хранились римскія государственныя понятія и имя Рима вызывало собой благоговѣніе, то въ этомъ повинно было не общество карловыхъ временъ, а небольшое число ученыхъ лицъ, занимавшихся классической литературой,—да развѣ еще семейныя преданія карловингскаго дома. Полагаютъ, что и самая мысль о возстановленіи римской имперіи принадлежитъ тому кружку духовныхъ ученыхъ, который собирался около Карла и въ которомъ первое мѣсто занималъ Алкуинъ; въ этомъ кружкѣ усердно читали римскихъ писателей,—и изъ восхищенія ими здѣсь возникло желаніе возстановить римскую имперію, величію которой дивились эти ученые и о которой они думали, что ей обѣщано Богомъ вѣчное существованіе на землѣ. Съ этой извлеченной изъ книгъ идеей Карль и связалъ судьбу своей монархіи, и нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что со смертію Карла, носителя этой идеи, уничтожилась и монархія, основанная на ней.

Другой причиной разложенія имперіи Карла Великаго служила крайняя разнородность ея состава, раздробленность входившихъ въ ея границы германскихъ племенъ. Какъ это ни кажется страннымъ, но даже имперія Карла не можетъ быть названа государствомъ въ томъ дѣйствительномъ и строгомъ смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ употребляется теперь. Что мы называемъ государствомъ? Извѣстную территорію, обитаемую людьми, которые носятъ одно общее имя,

управляются однимъ закономъ и связываются между собой рядомъ нѣкоторыхъ общихъ потребностей. Ничего подобнаго не было въ монархіи Карла Великаго; ея населеніе не только не составляло одной народности, но не имѣло даже общаго, всѣмъ понятнаго языка. Саксонецъ говорилъ рѣчью, которая недоступна была жителю верхней Италіи,—даже западный франкъ едва-ли могъ безъ переводчика объясняться со своимъ восточнымъ соплеменникомъ. Каждое племя, вошедшее въ составъ имперіи, сохраняло всѣ особенности своего законодательства и своихъ домашнихъ обычаевъ и, хотя Карлъ своими капитуляріями создалъ новое обязательное для всѣхъ законодательство, но не уничтожилъ и не хотѣлъ уничтожить племенныхъ особенностей и неуклонно держался старого германскаго принципа: „каждый живетъ и судится по своему собственному праву“. Еще менѣе могли имѣть мѣсто у этихъ разрозненныхъ племенъ какіе-либо общіе интересы и потребности. Тогда не существовало ни промышленности, ни торговли, ни умственного общенія, ни обмѣна идей; сношенія были рѣдки и чрезвычайно затруднительны. Жизнь людей ограничивалась узкимъ пространствомъ, въ которомъ они рождались и умирали. Во многихъ пунктахъ имперіи Карла ему не повиновались, даже не слыхали о немъ, и самъ онъ мало заботился объ этомъ. Существовали только мѣстныя потребности и мѣстные интересы, вращавшіеся въ кругу частныхъ и личныхъ условій; общество состояло изъ мелкихъ группъ, ничѣмъ между собою несвязанныхъ, которымъ не было никакого дѣла ни до государственныхъ нуждъ, ни до имперіи, возстановленной Карломъ. Однажды сынъ Карла Людовикъ, управлявшій Аквитаніей, явился ко двору своего отца безъ обычнаго подарка; удивленный этимъ, Карлъ спросилъ его, почему онъ, будучи королемъ, безъ нарочитаго приказанія, не можетъ сдѣлать подарка отцу,—и вотъ Людовикъ горячо началъ жаловаться на свое положеніе. Онъ говорилъ, что знатные думаютъ о своихъ только выгодахъ, что государственная казна остается въ полномъ пренебреженіи и величайшемъ безпорядкѣ, что государственныя имущества обращаются въ частную собственность и что самъ онъ, Людовикъ, считается императоромъ только по имени, а на дѣлѣ терпитъ нужду во всемъ. Очевидно, государственное единство, созданное Карломъ, было чисто внѣш-

нимъ, формальнымъ, механическимъ единствомъ; оно лежало въ его личности и въ его волю, а не въ самомъ обществѣ; отдѣльныя части имперіи внѣшнимъ образомъ объединялись въ имени своего правителя, а не въ идеѣ государственной власти. Оттого, когда не стало этой личности, когда власть перешла въ руки слабыхъ потомковъ Карла и исчезла внѣшняя сила его имени и оружія, тогда послѣдовала неизбежная реакція и началось естественное разложенеіе искусственно созданнаго цѣлага. Все, что имѣло какія-либо условія самостоятельнаго существованія, дѣлалось самостоятельнымъ: государство дробилось на мелкія территории; жизнь сосредоточивалась въ мелкихъ центрахъ; власть, законы и учрежденія приняли мѣстный и территоріальный характеръ.

Процессъ распаденаіа Карловой монархіи обнимаеіт собой промежутокъ времени отъ смерти его въ 814 году до начала XI вѣка и совершается съ замѣчательной постепенностью. Сначала образуются изъ его имперіи болѣе или менѣе обширныя группы, представляющія собой въ зародышѣ будущія главныя государства западной Европы. Затѣмъ внутри каждой изъ этихъ группъ начинается раздробленіе на мельчайшія составныя части, пока къ XI вѣку Европа не покрывается сѣтью мелкихъ самостоятельныхъ владѣній, соединенныхъ между собою весьма слабой связью. Нарождается особый порядокъ быта, *феодализмъ*, господствовавшій въ западной Европѣ въ теченіи трехъ вѣковъ и обнявшій собой всѣ государственныя, общественныя, семейныя и экономическія отношенія, который и явился непосредственнымъ и самымъ крупнымъ историческимъ результатомъ распаденаіа монархіи Карла Великаго.

Преемники Карла Великаго всего менѣе были способны задержать этотъ процессъ разложенаіа. Энергія и блестящія организаторскія достоинства, характеризовавшія родъ каролинговъ и нашедшія полнѣйшее выраженіе въ лицѣ Карла, какъ бы исчезли у его потомковъ. Ни по личнымъ своимъ качествамъ, ни по своему государственному правленію они не возбуждали никакого уваженія къ себѣ въ народѣ. Достаточно обратить вниманіе на тѣ прозванія, какими клеймили народъ послѣднихъ каролинговъ, чтобы видѣть, какъ мало они походили на своего великаго предка. Только первый

преемникъ Карла, его младшій сынъ Людовикъ, пользовался нѣкоторыми симпатіями народа за свою преданность христіанству и церкви, за что и получилъ названіе Благочестиваго. А за нимъ слѣдуютъ Карль Лысый, Людовикъ Заика или Лѣвтяй, Карль Толстый, Карль Простой въ смыслѣ простоватый, иначе *simplex* или *stultus*, правившій, однако, западной частью болѣе тридцати лѣтъ, Людовикъ Заморскій и т. д. Послѣдніе каролинги вообще во многомъ напоминали собой послѣднихъ меровинговъ,—тѣхъ меровинговъ, которые за свою бездѣятельность прозваны были лѣвными или тунеядными королями. Великія государственныя стремленія Карла были имъ не по плечу: ихъ занимали собой не единство, и не благо имперіи, а личные расчеты, честолюбивыя стремленія, междоусобныя войны и раздоры, которыми они оказали важное содѣйствіе быстрому разложенію имперіи.

Уже Людовикъ Благочестивый, наслѣдовавшій имперію Карла во всемъ ея объемѣ и по своимъ личнымъ достоинствамъ стоявшій далеко выше позднѣйшихъ карловинговъ, не былъ государственнымъ человѣкомъ, способнымъ поддержать твердость доставшагося ему наслѣдства. Крѣпкій, сильный, какъ бы рожденный для войны, Людовикъ менѣе всего любилъ войну; его характеръ скорѣе годился къ жизни монаха, чѣмъ къ той трудной дѣятельности, какую назначила ему судьба. Онъ самъ иногда какъ бы сознавалъ неспособность свою къ практической дѣятельности и, по смерти своей первой жены, думалъ дѣйствительно пойти въ монахи, но увлекся красивой и образованной дочерью графа Вельфа Юдифью, замѣтно превосходившей его своимъ умомъ, и вступилъ съ ней во второй бракъ. Впрочемъ, онъ былъ человѣкомъ строгихъ нравовъ и серьезенъ до того, что улыбка почти никогда не появлялась на его лицѣ. Всѣ эти качества могли бы сдѣлать честь частному человѣку, но на бѣду Людовикъ не имѣлъ ни одного изъ тѣхъ свойствъ, которыя необходимы были для него, какъ правителя. Его распоряженія были шатки и характеръ отличался безграничною слабостью; какъ государь, онъ рѣдко проявлялъ свою собственную волю: будучи исполненъ самыми благими намѣреніями, онъ дѣйствовалъ, однако, такъ, какъ подсказывали ему его совѣтники и своимъ царствованіемъ

подорвалъ всякое уваженіе къ имени короля. Исторія Людовика Благочестиваго есть исторія паденія монархической власти франкскихъ государей. Вотъ краткій очеркъ событій его царствованія.—Отъ первой своей жены Ирменгарды Людовикъ имѣлъ трехъ сыновей—Лотаря, Пипина и Людовика, и Ирменгарда, пользовавшаяся вліяніемъ на императора, желала обезпечить каждому изъ сыновей независимое положеніе. Но мысль о раздѣлѣ государства находила себѣ еще сильныхъ противниковъ въ членахъ высшаго духовенства, для которыхъ единство Имперіи казалось необходимымъ соотвѣтствіемъ единству церкви. Случай въ Ахенѣ, когда Людовикъ, проходя со своимъ дворомъ по ветхой деревянной галлерей, соединявшей дворецъ съ соборомъ, упалъ вмѣстѣ съ женой и едва не убится, далъ поводъ партіи Ирменгарды настоятельно требовать обезпеченія сыновей на случай смерти отца. Въ 817 году, слѣдовательно, только три года спустя послѣ смерти Карла Великаго, въ Ахенѣ состоялось государственное собраніе, и тамъ, послѣ трехдневнаго поста, рѣшено было раздѣленіе владѣній между сыновьями Людовика, при чемъ въ самомъ актѣ, устанавливавшемъ это раздѣленіе, высказана была прямо мысль, что имъ нисколько не нарушается единство имперіи, что намѣреніе раздѣлить имперію было бы величайшимъ соблазномъ для церкви и оскорбленіемъ для всемогущества Божія, которымъ держится царство. И дѣйствительно, младшимъ сыновьямъ Людовика, Пипину и Людовику въ Ахенѣ были отдѣлены только тѣ области имперіи, которыя и безъ того составляли отдѣльныя владѣнія, почти независимыя отъ франкскихъ королей,—Аквитанія и Баварія. Къ тому же названныя земли были слишкомъ незначительны сравнительно съ той долей, которая досталась старшему брату Лотарю, получившему вмѣстѣ съ титуломъ императора всѣ остальные владѣнія. Этимъ и объясняется то, почему духовенство, этотъ оплотъ единства имперіи, согласилось на раздѣлъ 817 года и самъ папа освятилъ его своимъ согласіемъ.—Между тѣмъ умерла Ирменгарда, и Людовикъ, хотѣвшій сначала отказаться отъ свѣта, женился на Юдифи. Въ 823-мъ году Юдифь родила ему сына Карла, прозваннаго потомъ Лысымъ. Это значительно измѣнило положеніе дѣла. Юдифь ничего такъ страстно не желала, какъ доставить своему сыну часть въ

отцовскомъ наслѣдствѣ, обезпечить ему самостоятельное владѣніе. Это сдѣлалось цѣлью ея жизни, на достиженіе которой она направила всѣ усилія своего тонкаго ума и недюжинной энергіи. Благодаря настоянію ея партіи въ 829 году на собраніи въ Вормсѣ измѣненъ былъ раздѣлъ имперіи, установленный въ 817 году, въ видахъ выдѣлить шестилѣтнему Карлу области, взятая отъ другихъ братьевъ, а чрезъ два года этотъ передѣлъ еще разъ былъ повторенъ. Въ актъ послѣдняго раздѣла, вѣроятно, по мысли Юдифи, вставлена была важная прибавка, лишившая его всякой устойчивости и дозволявшая измѣненія въ будущемъ. Было сказано, что если кто-нибудь изъ сыновей отличится особенной преданностью и почтительностью къ отцу, то послѣдній можетъ взять изъ части менѣе почтительныхъ сыновей, сколько захочетъ, и отдать болѣе почтительному. Прибавка явно клонилась къ будущему еще большому возвышенію Карла на счетъ его братьевъ и вооружила противъ него всѣхъ приверженцевъ имперіи. Чтобы защитить свои права, всѣ сыновья Людовика отъ перваго брака схватились за оружіе и возстали противъ отца. Въ битвѣ отца съ сыновьями 833 г войска Людовика перешли въ лагерь его противниковъ и, покинутый всѣми, онъ долженъ былъ слѣсть въ руки Лотаря. Его тотчасъ же разлучили съ Юдифью, отправленной теперь въ Италію, и съ Карломъ, котораго заключили въ монастырь. На бурномъ собраніи Лотарь объявилъ, что Богъ отнялъ отъ отца его власть, которая отнынѣ принадлежитъ ему какъ императору... Людовикъ Благочестивый, казалось, потерялъ все: его подвергли заключенію въ сообществѣ нѣсколькихъ монаховъ, подъ ближайшимъ надзоромъ епископовъ, особенно ему враждебныхъ; онъ доведенъ былъ до того, что въ Компьенѣ въ присутствіи вельможъ и народа принесъ въ церкви покаяніе въ своихъ грѣхахъ по формулѣ, сочиненной его врагами. Это униженіе Людовика и своеволіе Лотаря, спѣшившаго воспользоваться императорскою властью, вызвало сочувствіе къ старому императору въ народѣ, еще не забывшему славныхъ временъ Карла. Возбуждшій общее неудовольствіе Лотарь бѣжалъ, и Людовикъ въ 835 г. восстановленъ былъ въ своихъ правахъ. Еще разъ сдѣлано было раздѣленіе имперіи, клонившееся опять въ пользу Карла, но векорѣ въ походѣ противъ одного

своихъ непокорныхъ сыновей старей императоръ занемогъ и умеръ на одномъ изъ острововъ Рейна (20 іюня 840 г.).

Не трудно отгадать внутренній смыслъ этихъ событій, этихъ семейныхъ распрей и усобицъ, наполняющихъ собой несчастное царствованіе Людовика Благочестиваго. Людовикъ былъ еще проникнутъ идеей имперіи, мыслилъ объ императорѣ, какъ полновластномъ главѣ всего западно-германскаго міра. На раздѣлы, происходившіе въ его царствованіе, онъ смотрѣлъ, какъ на облегченіе своихъ занятій по управленію и не хотѣлъ видѣть въ нихъ какого-либо окончательнаго дѣленія имперіи; поэтому онъ считалъ себя въ правѣ измѣнять ихъ,—сообразно своимъ намѣреніямъ. Иначе смотрѣли на раздѣлы имперіи его сыновья; въ постановленіяхъ Ахенскаго съѣзда они видѣли нѣчто нерушимое, нѣчто такое, что стоитъ выше единичной воли отца. Въ борьбѣ Людовика съ сыновьями, такимъ образомъ, сказалась борьба принципа имперіи съ началомъ сепаратизма, стремившагося раздробить монархію франковъ. Побѣда сыновей 833 г. и униженіе, которому Людовикъ подвергся въ Компьенѣ были вмѣстѣ съ тѣмъ побѣдой элементовъ разрушенія и уничтоженія императорской власти, какъ носительницы единства. Послѣ этого событія не могли уже возстановиться ни императорская власть, ни единство имперіи; и это прежде всего отразилось на Лотарѣ, старшемъ сынѣ Людовика, вскорѣ же послѣ Ахенскаго раздѣла коронованнаго императорской короной въ Римѣ (820). Какъ императоръ, Лотарь склоненъ былъ требовать по смерти отца покорности отъ своихъ братьевъ и всего менѣе способенъ былъ признать послѣдніе раздѣлы, совершившіеся преимущественно на его счетъ. Онъ началъ борьбу сначала съ Людовикомъ, а потомъ съ Карломъ, но преслѣдуемые братья догадались скоро соединиться силами, и Лотарь оказался въ томъ же положеніи, какъ находился нѣкогда и его отецъ. Онъ принужденъ былъ заключить мирный договоръ въ Верденѣ или Вердюнѣ въ 843 году и произвести *окончательный* раздѣлъ имперіи, получившій въ исторіи Западной Европы огромное значеніе и положившій начало *образованію западно-европейскихъ национальностей*. Къ изученію этого явленія я теперь и обращаюсь.

(Продолженіе съ пьдуетъ).

А. Спасскій.